

А.П. Глухов

ПРОБЛЕМА ОБОСНОВАНИЯ ЭГАЛИТАРИЗМА: ОТ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЗИКИ К СОЦИАЛЬНОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ

Томский государственный педагогический университет

Социальная стратификация, будучи неотъемлемым атрибутом социальной структуры всех существовавших ранее обществ, впервые выступила в качестве некоей проблемы в эпоху модерна. На протяжении XIX и XX столетий вытекающий из универсалистской установки принцип равенства определялся в качестве конституирующего и, так или иначе, реализовывался всеми гражданскими обществами, охваченными проектом модерна. Напряжение между существующим социальным неравенством и должным осуществиться равенством – характернейшая черта модернистского проекта. В основании концепции социального равенства проекта модерна всегда лежал метасоциологический постулат отождествления людей по тому или иному признаку. Следует выделить три типа тематизации понятия человеческого равенства, фундирующие толкование социального эгалитаризма в рамках проекта модерна.

Во-первых, равенство понимается как естественное природное равенство всех людей, приблизительно равная одаренность различными способностями. Такие представители естественно-правовой теории, как Локк, Гоббс, Руссо, выдвинули идею естественного равенства всех людей в «естественном состоянии», искаженного в дальнейшем развитии цивилизации и несправедливыми социальными институтами. Данная теория выведения социального равенства из равенства естественного не выдерживает серьезной критики по причине своего крайнего натурализма: слишком очевидны различия пола, возраста, физических данных, а также природной одаренности и унаследованных способностей. Социальное равенство не может основываться на естественных атрибутах. В современном постиндустриальном обществе наследственные биологические признаки (особенно интеллект), неравно распределяемые природой, оказывают все большее влияние на модели социального господства и подчинения.

Во-вторых, можно выделить идею личностного равенства всех людей. Рассмотрение индивидов как уникальных и неповторимых личностей берет свое начало в христианской традиции, в дальнейшем идеи личностного равенства получают развитие в философии практического разума И. Канта, отождествлявшего всех людей в качестве автономных моральных субъектов на уровне ноуменального

«я». Личностное или моральное равенство в качестве принципа справедливости лежит в основании реанимирующей кантовскую традицию теории справедливости как честности Джона Ролза. С точки зрения Ролза статус моральной личности дает право на равную справедливость. По мнению Ролза, поскольку всем людям присуще индивидуальное представление о благе и хотя бы по минимуму чувство справедливости, они подходят под определение моральной личности. А быть моральной личностью означает для человека быть субъектом притязаний на справедливое равенство.

Данный способ обоснования социального равенства, опираясь на трансценденталистскую концепцию субъекта, наследует все ее негативные импликации. Из представления об индивиде как некоем внесоциальном единстве, самореферентирующемся через собственную субъективность, невозможно вывести необходимость требований равенства, из понятия уникальности личности парадоксальным образом можно, скорее, вывести представление об абсолютной несравнимости, неравноценности всех людей, чем идеал эгалитаризма; в данной перспективе критерий приведения к равенству вообще элиминируется.

В-третьих, существует процедурное толкование равенства. Оно предполагает равное отношение к неравным от природы индивидам: правила игры в социальном пространстве должны быть одинаковы для всех. Открытые перед человеком возможности должны определяться только его способностями, а не происхождением и социальной принадлежностью. В данной доктрине социальное неравенство предполагается в качестве естественного результата равенства возможностей, предоставляемого от природы неравным людям. Процедурное равенство не накладывает никаких ограничений на те основания, которые могут быть предложены в оправдание неравенства. Чаще всего в утилитаризме таким основанием выступает принцип пользы (функциональной эффективности). В данной системе взглядов требование равенства сужается до возможности на равных правах вступить в экономическую игру при заведомом неравенстве изначальных ставок у игроков.

Вышеперечисленные способы обоснования социального эгалитаризма (через естественное ра-

венство, через моральную автономию, через формальную процедуру), берущие свое начало в проекте модерна, похоже, исчерпали на сегодня свой эвристический потенциал.

В то же время в рамках современной теоретической социологии эгалитаризм рассматривается в качестве утопической идеи, противоречащей самим принципам структурности, дифференциации и стратификации индустриального общества.

Социал-демократическая идеология, отстаивающая эгалитарные принципы на Западе, отличается излишним натурализмом в трактовке социального равенства, редуцируя проблему к вопросам распределения основных общественных ресурсов. Джон Ролз, например, отталкиваясь от этико-правового обоснования эгалитаризма, приходит к идее компенсации на основании принципа дифференциации социальной неудачи обездоленных слоев со стороны доминирующих [1].

Несмотря на всю значимость проблемы эгалитаризма для современной социальной мысли, социально-философское обоснование идеи эгалитаризма носит явно устаревший, архаический характер в сравнении с уровнем развития социальной теории и социологии. Попытка переобоснования эгалитарных требований, предпринятая Джоном Ролзом, на основе теории общественного договора и философии практического разума Иммануила Канта слишком уязвима для критики с различных сторон и, прежде всего, в перспективе структурно-функционального анализа.

Когнитивная оснастка современных эгалитарных теорий Дж. Ролза, Рональда Дворкина и др., попытки реанимации теоретических конструкций общественного договора, трансцендентального, отгороженного от социальных реалий «вуалью неведения» субъекта (понятие Дж. Ролза), распределения, «чувствительного к усилиям и не чувствительного к одаренности», свидетельствуют о дефиците категориально-познавательного аппарата теории эгалитаризма.

Социологический «номинализм» (когда онтологический статус первичной реальности придается автономному субъекту, конституирующему себя через свою самосоотнесенность в акте рефлексии, а не социальной коммуникации индивидов), унаследованный современным социал-демократическим и либеральным направлениями эгалитаризма, неизбежно приводит к натуралистической трактовке социального равенства как проблемы распределения социальных благ.

Из подобного тупика можно выйти, только радикальным образом переформулировав проблему социального равенства в совершенно ином контексте. Феноменологический подход к социальной стратификации, опирающийся на понимающую социоло-

гию, символический интеракционизм и конструкционизм, трансформирует само виденье проблемы.

Введенные в социальную теорию П. Сорокиным понятия социального пространства, социальной позиции, социальной стратификации и мобильности послужили основанием современных подходов к исследованию социального неравенства и статусных дифференциаций, однако рефлексия над проблемой социального неравенства в пространственных терминах позиции/движения неслала в себе и определенные ограничения. Концепция П.А. Сорокина надолго задала пространственный формат рассмотрения социального неравенства с соответствующими категориями «верхних», «средних» и «нижних» слоев, вертикальной и горизонтальной мобильности [2]. Дальнейшие исследования школы структурно-функционального анализа сосредотачивались на рассмотрении структуры социального пространства и процессов перемещения в его рамках. В горизонте феноменологической социологии исследователи попытались уйти от жестких рамок пространственной матрицы через понятия престижного потребления, дифференциации стилей жизни, маркеров социального статуса и др.

П. Бурдьё, предложив концепт социального поля, стремился преодолеть застенчатость взгляда на взаимодействие социальных классов в плоскости категорий «верх/низ». В целях преодоления натуралистической перспективы П. Бурдьё вводит концепт «социального пространства», сознательно нагружая его феноменологическими коннотациями. «Социальное пространство» представляет собой многомерный, открытый ансамбль относительно автономных полей (экономического, политического, культурного и др.), в пределах которых ведется борьба за привилегированные социальные позиции. Топология социального пространства определяется неравным распределением различных видов капитала, функционирующих одновременно как инструменты и цели борьбы в различных полях. Однако подобное неравное распределение капиталов и основных благ и ресурсов может быть описано не только в категориях «социальной физики», но и социальной феноменологии. Говоря о социальном пространстве, П. Бурдьё отмечает, что оно есть не только реализация социального деления, понимаемого как совокупность позиций, но пространство виденья этого деления: *division* и *vision*. Как особо подчеркивает Т. Парсонс, социальное деление (социальная стратификация) функционирует, прежде всего, как категория восприятия и оценивания индивидов. Через распределение свойств социальный мир объективно представляется как символическая система: различия в нем функционируют как различительные знаки и знаки отличия, будучи даже вне всякого стремления отличиться. Социаль-

ные различия стремятся функционировать символически как пространство стилей жизни.

Как отмечал еще Морис Хальбвакс, определенная степень расточительности и неутилитарные расходы богатых выполняют социальную функцию символической маркировки богатства [3]. Как отмечает Пьер Бурдьё, «агенты классифицируют сами себя и позволяют себя классифицировать, выбирая в соответствии с собственным вкусом различные атрибуты – одежду, еду, напитки, спорт, друзей, которые хорошо сочетаются и которые хорошо им подходят или, более точно, соответствуют их позиции» [4, с. 194].

Основной функцией, которую выполняет символическое означивание своей социальной позиции доминирующими классами, является поддержание чувства дистанции по отношению к доминируемым. Через символическое акцентирование эту дистанцию обозначают и держат, заставляя других уважать ее. Отношения символической силы стремятся воспроизвести и усилить отношения реальной силы, конституируемой различным распределением капиталов. По замечанию П. Бурдьё, «капитал позволяет держать на расстоянии нежелательных людей и предметы и в то же время сближаться с желательными людьми и предметами, минимизируя таким образом затраты (особенно времени), необходимые для их присвоения» [4, с. 43]. Социальное пространство в качестве символической матрицы социальных отношений проецирует на себя и символически акцентирует отношения превосходства и доминирования. Знание своей социальной позиции, чувство своего места (*sense of one's place*) заставляет доминируемых держаться «скромно», а доминирующих «держат дистанцию», знать себе цену», не фамильярничать и т.д. «Вертикальный» характер метафор, взятых из представлений о физическом пространстве и применяемых в обыденном дискурсе, касающемся социального положения индивидов («повысить свой социальный статус», опуститься вниз по социальной лестнице» и др.), свидетельствует о расстановке индивидов по степени превосходства и доминирования в некоем идеальном социальном пространстве как ментальной структуре, выражающей определенную схему восприятия социальной действительности.

Согласно концепции Бурдьё, в объеме социального поля, где не всегда можно определить доминирующую привилегированную позицию, социальные акторы предстают как игроки с набором «козырей»-ресурсов, ведущие партию с неоднозначно предсказуемым выигрышем. Подобное динамическое рассмотрение взаимоотношений между социальными классами гораздо адекватнее отражает социальную реальность, чем плоскостные пространственные схемы. Концепция борьбы классов

К. Маркса и классового противостояния М. Вебера также подчеркивали динамическую соотнесенность социальных групп, а не пространственную рядоположенность социальных страт, однако в горизонте марксистской теории речь шла не о требованиях признания в процессе социальной коммуникации, но о борьбе на уничтожение (идея преодоления классового деления общества).

Теоретическое направление критики идеологии франкфуртской школой и наиболее известными ее продолжателями, такими, как Г. Маркузе и Ю. Хабермас, трактовка идеологии в качестве инструмента поддержания гегемонии правящего класса, анализ манипулятивного потенциала средств массовой коммуникации для поддержания господства доминирующих слоев перевели проблему социального господства и социального неравенства в горизонт теории коммуникаций.

Если с точки зрения господствующей в социологии объективистской традиции социальное неравенство (стратификация) – это объективная характеристика общества (социального пространства), то в категориях социальной феноменологии социальное равенство или неравенство – это оценка результатов сравнения статусных позиций, во-первых, являющихся частями единого целого и находящихся в непосредственном взаимодействии, во-вторых, различающихся признаками, занимающими более или менее важное место в системе ценностей данной социальной общности. Если различие схватывает любые несовпадения, то социальное неравенство – это различия в существенном, важном для членов данного общества. В тех или иных обществах и культурах одни и те же различия могут выступать в качестве несущественных или, наоборот, служить индикаторами-маркерами социального неравенства (в античности, например, наличие досуга – одна из существеннейших характеристик и преимущество свободных людей в противоположность рабам, в индустриальном обществе свободное время – «привилегия» безработных, а не успешных бизнесменов; в гитлеровской Германии арийская внешность могла выступать в качестве важного стратифицирующего фактора; в Средневековье важным фактором стратификации выступала конфессиональная принадлежность и т. д.).

Достижение социального равенства – это социально сконструированная проблема, характерная только для эпохи модерна; в Средние века угнетенные требовали лучшей доли, но не равенства с аристократией. Требование социального равенства возможно, как ни парадоксально, только между уже изначально равными: мы не требуем равенства взрослых с детьми, сумасшедших с психически нормальными, людей с животными и т.д. Следова-

тельно, только признание в рамках социального дискурса людей равными друг другу в каком-либо отношении инициирует конструирование социальной проблемы неравенства, должно быть преодоленным через эгалитаризм.

Социальное неравенство – это не некое объективное положение дел в рамках социального пространства, но социальная конструкция, возникающая в процессе социальной коммуникации между различными группами социума, именно в ходе социального дискурса определяются социально значимые различия, служащие основанием социальной стратификации, только в рамках социального дискурса возникает идея устранения подобных различий.

Следовательно, проблема социального неравенства – это проблема неравенства в коммуникации, а требования социального равенства – это требования прежде всего равенства в коммуникационном процессе, требования социального признания уже изначально существующего равенства индивида или социальной группы. Соответственно все социальные ресурсы – деньги, власть, престиж, образование – можно рассматривать в качестве посредников и ставок в процессе социальной коммуникации (что и делает, например, Н. Луман), имеющих не самодавлеющую ценность, но значимых как элементы социального дискурса, элементы автоматического признания со стороны окружающих.

В перспективе теории коммуникации проблема определения условий возможности эгалитаризма дублируется следующим образом:

1) Какие стратегии и тактики, ресурсы и ставки в социальной игре используют доминируемые, каких структурных и институциональных изменений требуют в современном социуме, чтобы добиться со стороны общества и доминирующих признания притязаний на значимость?

2) Каким образом (с помощью каких коммуникативных техник и символических ресурсов, культурных институтов и т.д.) в поле социального дискурса доминируемые утверждают свое равноправие и притязания на значимость?

В горизонте коммуникативной перспективы ключевыми для понимания социального неравенства являются не столько вопросы социального распределения ресурсов, сколько технологии поддержания господства доминирующими через захват и монополию на коммуникативное пространство и продуцирование определенных техник, механизмов, коммуникации, гарантирующих превосходство над доминируемыми.

Рассмотрим некоторые из них:

1. В коммуникации доминирует тот, кто наделен возможностью определять метаконтекст сообще-

ний, т.е. задавать интерпретационные схемы событий, высказываний, фактов и явлений. В современных индустриальных обществах Запада доминирующие задают метаконтекст событий через контроль над средствами массовой коммуникации (СМК), символические ресурсы идеологий либерализма и консерватизма, экспертные оценки и авторитет социальных наук. Доминируемые меняют метаконтекст через применение стратегии эскапизма из сферы политики, инверсии сообщений СМК, выработку альтернативных левых идеологий и левых направлений в науке, общественный контроль над СМК, социальные акции на улицах и т.д.

2. В коммуникации доминирует тот, кто обладает правом тематизации, т.е. акцентирования или вынесения за скобки дискурса определенных тем обсуждения. Доминирующие через властные институты, сферу образования и науки и, прежде всего, СМК формируют повестку дня, исключая одни темы для обсуждения и включая другие. Доминируемые своим прямым социальным действием, давлением на СМК, правительство, через альтернативные каналы коммуникации (Интернет) заставляют обсуждать «неудобные» темы.

Доминируемые группы своим давлением могут элиминировать или, наоборот, увеличить значимость тех или иных критериев социальной стратификации и социального ранжирования (так, буржуазия в период Французской революции ослабила значение происхождения; во второй половине XX в. доминируемые, воздействуя на государство и социальные институты, повысили значение образования и ослабили значение собственности).

3. Коммуникацию определяет тот участник, который задает основные клише, стереотипы и установки восприятия социальных групп, движений, индивидов, проблем и ситуаций. Доминирующие через массовую культуру, идеологию либерализма, освещение событий СМК задают свой стереотип восприятия доминируемых как неудачников, «лузеров», не имеющих право обвинять в своем ущемленном положении никого, кроме себя, левых движений в качестве деструктивных заговорщиков, стремящихся разрушить социальный порядок и т.д.

Доминируемые используют альтернативные тактики тематизации своего ущемленного положения в качестве социальной проблемы, требующей внимания общества, а не в виде личной неудачи, развенчания стереотипов и клише, навязывают свои стереотипы восприятия доминирующих.

4. Коммуникацию определяет тот участник, который навязывает свой коммуникативный код адресату. Отсюда борьба за язык, символический и категориальный аппарат, тот или иной тип дискурса о проблеме между доминируемыми и доминирующими весьма значима.

5. Тот, кто диктует ритуальную составляющую коммуникации, доминирует в ней.

Борьба между доминирующими и авангардом доминируемых за ритуальную вовлеченность масс играет важнейшую роль в эгалитарном движении (митинги, демонстрации, годовщины событий, ритуалы вступления и исключения из рядов, дачи клятвы, религиозного освящения и т.д.).

В пространстве социальной коммуникации доминирующие и доминируемые могут использовать три типа стратегий:

1) манипуляцию – скрытое воздействие на целевую аудиторию, без объяснения действительных прагматических целей и задач такого воздействия; на сегодня это доминирующая стратегия элит, позволяющая через воздействие СМК добиваться эффективных результатов;

2) открытую дискуссию, столкновение позиций, конкурентную борьбу за легитимность, часто при неравном распределении символических ресурсов;

3) достижение через взаимные уступки некоего компромисса, отложенный конфликт, нахождение ограниченного взаимопонимания.

Консерваторам в ответ на их критику эгалита-

ризма можно возразить, что лучше устроенные, отвергая притязания менее удачливых на большее равенство, проявляют по отношению к ним чувство недоброжелательства. «Любой человек считает, что он имеет некую врожденную ценность или достоинство. Если эта ценность не получает достаточного признания со стороны других, он испытывает гнев», – отмечает Фр. Фукуяма [5, с. 158]. Негодование доминируемых не является простой рационализацией эмоциональных импульсов зависти или раздражения; оно гораздо более рационально и включает представление о разумных пределах личных притязаний и направлено против нарушения норм справедливости и естественного права. Требования социального равенства этически легитимны, поскольку могут быть выведены не из натуралистической установки фактического равенства индивидов, но проистекают из самой природы субъекта как социального существа, обладающего чувством собственного достоинства и неэлиминируемым никакими обстоятельствами притязанием на значимость в глазах других. Только общество, так или иначе реализовавшее идею социального равенства, не унижает всех своих членов.

Литература

1. Ролз Джон. Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
2. Сорокин Питирим. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин Питирим. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
3. Мизес Людвиг. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М., 1993.
4. Бурдьё Пьер. Социология политики. М., 1993.
5. Фукуяма Френсис. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999.

Н.В. Черепанова

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК СПОСОБ ИЗМЕРЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА¹

Томский государственный педагогический университет

Бесспорным является тот факт, что одной из важнейших характеристик современного общества является мобильность. Анализ исторических форм путешествий и коллекции определений позволил выделить признаки этого феномена в культуре.

Путешествие совершается в место, отличное от обычного места пребывания, *родного пространства*. Причем этот признак указывает и на то, что путешественник должен *вернуться* в родное пространство, и на то, что перемещения *внутри* родного пространства путешествием не являются. Таким образом, мы не будем считать путе-

шествием: иммиграцию и, например, поездку на работу.

Путешествие как возвращение в родное пространство означает, что «присвоение» чужого пространства не является целью, т.е. мы не считаем путешествием военные походы, перемещения с целью обеспечения ресурсами.

Путешествие локализовано во времени, т.е. это некоторый перерыв повседневности, смена картины привычной жизни.

Путешествие – это перемещение из своего пространства в *чужое*. В силу того, что человек сам

¹ Исследования ведутся при поддержке гранта РФФИ №04-06-80192.